

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор
УДК 281
doi: 10.17223/2312461X/39/10

«Ориентировать, не предсказывая»: будущее в социальной истории П. Стернса

Фёдор Владимирович Николаи^{1,2}
Артем Николаевич Маслов³

^{1,3} Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Россия

² Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Нижегород, Россия

^{1,2} fynik@list.ru

³ maslovartem@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается подход к изучению связей между прошлым и будущим в серии работ Питера Стернса по социальной истории. Несмотря на конкретный (и подчас кажущийся «сугубо прикладным») характер исследований Стернса, концептуализация образов будущего занимает важное место в его текстах, помогая акцентировать центральную для современного общества проблему неопределенности. Последняя в понимании Стернса четко соотносена с изменениями в социально-демографической сфере, новыми дискурсами воспитания и консьюмеризмом, а также трендом на дробление и интериоризацию времени на очередном этапе глобализации. Применительно к работе с различными сценариями будущего позиция Стернса представляется скептической: в реальности социальная история имеет дело с конкурирующими трендами, постоянное «ветвление» которых делает маловероятным формирование у нее прогностических функций. Вместе с тем исторически сензитивный подход к теме будущего, согласно Стернсу, способен в определенной мере ориентировать общество, обозначая различные варианты развития событий и выявляя скрытые за тем или иным сценарием группы интересов. Крайне важен при этом баланс между академической корректностью социально-исторических исследований и заинтересованностью в них широкой аудитории, полноценный диалог с которой позволяет отчасти дезавуировать манипулятивные стратегии элит.

Ключевые слова: социальная история, Питер Стернс, темпоральность, сценарии будущего, неопределенность

Благодарности: Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021–2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

Для цитирования: Николай Ф.В., Маслов А.Н. «Ориентировать, не предсказывая»: будущее в социальной истории П. Стернса // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 218–236. doi: 10.17223/2312461X/39/10

Review

doi: 10.17223/2312461X/39/10

“To Orient Without Predicting”: The Future in P. Stearns’ Social History

Feodor V. Nikolai ^{1,2}, Artem N. Maslov ³

^{1,3} Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
^{1,2} fynik@list.ru

³ maslovartem@yandex.ru

Abstract. The authors consider an approach to the study of connections between the past and the future in the series of Peter Stearns’ works on social history. Despite the concreteness (and sometimes seemingly “applied” character) of Stearns’ research, the conceptualization of images of the future plays an important role in his texts, helping to emphasize the problem of uncertainty that is central to modern society. The problem, in Stearns’ opinion, correlates definitely with changes in the sphere of social demography, new discourses of education and consumerism, but also with trends towards the fragmentation and internalization of time at the current stage of globalization. In regard to working with various future scenarios, Stearns’s position seems to be skeptical: in reality, social history deals with competing trends, the permanent “ramification” of which makes its predictive functions unlikely. Simultaneously, according to Stearns, a historically sensitive approach to the topic is able to orient society in a certain degree, outlining variants of developments and revealing groups of interests hidden behind one or another future scenario. It is extremely important in this context to save the balance between the academic correctness of research and the interest in it from the wide public. A full-fledged dialogue with the latter makes it possible to disavow partly the manipulative strategies of the social elites.

Keywords: social history, Peter Stearns, temporality, future scenarios, uncertainty

Acknowledgements: The research was carried out within the project “Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty” at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021–2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”).

For citation: Nikolai, F.V. & Maslov A.N. (2023) “To Orient Without Predicting”: The Future in P. Stearns’ Social History *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 218–236 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/10

Социальной истории в России не повезло дважды: в советской историографии она лишь упоминалась как одно из многочисленных направлений левой исторической мысли; а в 1990-е и 2000-е гг. ее свя-

занные с марксизмом основания показались уже не интересными большинству российских исследователей и их читателей. Хотя на рубеже 1980–1990-х гг. вышло несколько интересных работ, посвященных этой проблематике, в их фокусе находились скорее сторонники французской школы «Анналов» и их британские коллеги (см. напр.: (Зверева, Репина 1988; Репина 1990, 2001)), а развитие социальной истории в других европейских странах и США не привлекло систематического внимания исследователей. При этом сама социальная история стала позиционироваться в предельно широком ключе – как синтез изучения повседневности, гендерных исследований, исторической демографии, культурной антропологии и т.д.

В этой связи кажется целесообразным вновь обратиться к методологической специфике данного направления. Нами будут рассмотрены два принципиально важных сюжета, подробно анализировавшиеся в работах Питера Стернса (основателя и редактора «Журнала социальной истории», профессора университета Джорджа Мейсона): формирование представлений о будущем у разных социальных групп и проблематизация актуальных задач исторической науки. Выбор данных сюжетов определен как их значимостью в структурировании самим Стернсом целого ряда обобщающих работ (о чем мы отдельно скажем ниже), так и возможностью помещения соответствующих выводов североамериканского историка в более широкий фрейм компаративного анализа – для того, чтобы точнее представлять отличие концепции Стернса от иных подходов к осмыслению прогностического потенциала исторической науки.

Языки описания будущего в исторической теории и гуманитарных исследованиях

Прежде, чем перейти к идеям Стернса, однако, напомним, что вопреки попперовской критике историцизма идея будущего продолжает оставаться актуальной для теоретической историографии и самых разных направлений гуманитарного знания. Во-первых, проблематика будущего принципиально важна для дискуссий о режимах историчности и политике времени в теоретической историографии. Отталкиваясь от идеи Райнхарта Козеллека о характерном для эпохи модерна напряжении между обусловленным прошлым «пространством опыта» и устремленным в будущее «горизонтом ожиданий» (Козеллек 2016), многие исследователи рассматривают проведение границ между ними как специфическую интеллектуальную / политическую / культурную активность (Олейников 2021; Simon, Tamm 2021)¹. Например, нидерландский историк Г. Янсен в работе «Скрытые внутри историцизма: темпоральные режимы после 1700 г.» выделяет несколько модификаций

темпорального режима модерна, не противопоставляя его современному презентизму (Ф. Артог), но прослеживая неразрывные связи между ними:

1. Преобладавшее в эпоху Просвещения «пустое», не имеющее воплощения и не связанное с человеческим опытом, универсальное (отсылающее к природному миру) и гомогенное время, механически измеряемое часами и фиксируемое многочисленными периодизациями человеческой истории.

2. Время, воплощенное (embodied) в различных исторических формах – в культуре народов и деятельности исторических личностей, в религиозных верованиях и государственных институтах эпохи контр-Просвещения и романтизма.

3. Господствовавшее в 1830–1880-е гг. диалектическое понимание времени как гетерогенного и воплощенного в социально-экономических структурах. В работах К. Маркса и А. де Токвиля прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно, обуславливают друг друга, оказываются диалектически взаимосвязаны, хотя и активно конфликтуют между собой.

4. С 1880-х гг. появляется и набирает силу режим «кайротического времени», ярче всего представленный в текстах Ф. Ницше, Й. Хёйзинги и Я. Буркхардта, для которых важны не политическая или социально-экономическая сфера, но пространство культуры и субъективный опыт прошлого.

Каждый из этих режимов включал определенную оптику восприятия будущего. Например, поездка де Токвиля в Америку представляется Янсену путешествием в воплощенное будущее (Jansen 2020: 113). В рамках кайротического режима будущее представляется ницшеанским *становлением* – активным движением или даже «тигриным прыжком» от истоков к будущему; а генеалогия становится актуализацией прошлого ради определяющего События выбора. Важно подчеркнуть, что и будущее, и представления о прошлом (история) во всех этих режимах определяются прежде всего культурно-политическими рамками.

На стыке социальной философии и исторической теории активно развиваются дискуссии о неразрывной взаимосвязи современного презентизма с неолиберальным капитализмом (см. напр.: (Штрик 2019; Brown 2017)). С этой точки зрения, неолиберализм представляет собой не просто возвращение к идеям невмешательства государства в экономику, но прагматически подчиняет прошлое и будущее правилам двойной бухгалтерии – выстраивает баланс между дебетом (обязательствами и накопленными активами) и кредитом (будущими инвестициями) (Николаи, Кобылин 2021). При этом неолиберальный прогрессизм, в котором прошлое ассоциируется с угрожающим свободе государственным контролем, а настоящее – с расцветом частной инициативы и де-

мократических свобод, просто переворачивает исторический нарратив доктрины *welfare state*, где в прошлом оказывается безжалостная конкуренция, в настоящем – социальная поддержка уязвимых категорий населения, благодаря которой у демократического общества есть перспективы. Комбинируя эти нарративы, капитализм поддерживают иллюзию, что общество в любом случае продолжает развиваться (хотя его экономический базис и социальное неравенство качественно не меняются). Другой особенностью современного неолиберального капитализма становится управление неопределенностью и рисками, которые дают возможность крупным инвесторам укрепить свои позиции за счет антикризисной политики государства и подчинения миноритарных акторов под предлогом экономии. Кризисы в этой модели оказываются необходимой точкой переключения обозначенных выше режимов – регулятором не только финансовых потоков, но и социальных ожиданий. Будущее становится рискованным и алармистским, поскольку это соответствует актуальным интересам неолиберальных элит.

Проблематика будущего активно разрабатывается на стыке исследований памяти и *cultural studies*. Здесь широко обсуждается рост в современном обществе ностальгии, которая превращается в «ретротопию» (З. Бауман) – озвучивание социальных ожиданий и перенос социальных идеалов из будущего в прошлое (Kalinina 2014; Post-Soviet Nostalgia... 2020). Так, ностальгия по СССР оказывается обусловлена нехваткой социальной справедливости, недовольством из-за роста расслоения в современном российском обществе и отсутствия социальных гарантий. М. Липовецкий и Т. Михайлова убедительно показывают, например, что российские телесериалы 2000-х гг., посвященные периоду оттепели, превращают это идеализированное прошлое не просто в генеалогию современных «креативных индустрий», но в некий проект будущего, нивелирующий распад СССР (Липовецкий, Михайлова 2021). Альтернативами такому линейному будущему сторонники *cultural studies* предлагают считать содержавшиеся внутри советского проекта маргинальные креативные практики – от графики авангарда и поэзии 1960-х до фантастики и анимации, которая делала ставку на пересборку плохо работающих фрагментов официального символического языка и конструирование новых (воображаемых) миров (Веселые человечки... 2008).

Проблематика будущего очень востребована в альтернативной истории (Н. Фергюсон), теории медиа (Р. Грусин), исследованиях Sci-Fi культуры и *film studies* (Т. Эллисон). Подчеркнем, во-первых, дисциплинарный характер логики, преобладающий в этих проектах. Будущее определяется в них исходя из господствующей структуры собственного объекта исследований и устоявшейся системы понятий (часто, к тому же, авторы слабо дифференцируют представления о будущем разных со-

циальных групп и не очень интересуются социально-антропологическими практиками планирования будущего представителями разных культур и сообществ). Во-вторых, укажем на отказ от попыток охарактеризовать будущее как нечто радикально новое, отличное от современности. Все перечисленные направления исследований сравнивают сильные (достойные пролонгации) и слабые (которые нужно купировать) тренды в современных системах и видят свою миссию в том, чтобы в меру сил развить первые из них. В-третьих, отметим рост популярной литературы, ориентированной на широкую аудиторию и склонной к упрощению прогнозов. В этом контексте необходимо максимально корректное междисциплинарное взаимодействие – взаимодействие, избегающее неоправданного популизма и слишком широких обобщений, но в то же время не ограничивающееся предельно узкими рамками исследования в работе с образами будущего. Именно в данной связи весьма продуктивной представляется аналитика будущего в социальной истории П. Стернса.

Будущее в социальной истории П. Стернса

Начиная с 1970-х гг. П. Стернс выпустил более тридцати книг и несколько десятков статей. Большинство его монографий построено по одной и той же схеме: исследователь помещает интересующее его явление в широкий исторический и социокультурный контекст, чтобы на фоне этой динамики обозначить свои прогнозы на ближайшее будущее. Рост консьюмеризма в XIX–XX вв.; сильные и слабые стороны либеральной модели детского воспитания; трансформация гендерных отношений в XX в.; экспансия эмоций (все менее подчиняющихся рациональному контролю) в публичной сфере; ускорение времени в эпоху модерна – эти и другие сюжеты, беспокоящие современное общество, связываются Стернсом, прежде всего, с интересами западного среднего класса. Расширение исторических рамок позволяет исследователю: а) объяснить внутренние противоречия этих процессов изменением социально-экономической реальности и разногласиями социальных групп; б) в общих чертах охарактеризовать их нестыковку с традициями и интересами разных народов за пределами Европы; в) объяснить угасание старых исторических форм и рост контртенденций этими же социальными причинами; г) успокоить своих читателей в том отношении, что сложившиеся социальные институты и культурные формы по-прежнему дают больше пользы, чем вреда, а потому сохраняются в ближайшие десятилетия, хотя и с некоторыми неизбежными изменениями. Рассмотрим эту аналитическую модель на нескольких примерах.

В своей книге «Детство в мировой истории» (Stearns 2006b) Стернс анализирует становление «базовой модели детства» в эпоху модерна и ее современные трансформации. В отличие от аграрного общества, промышленный переворот в Европе XVIII–XIX вв. потребовал массу

квалифицированных рабочих и инженеров, а распространение национальных идей – учителей, офицеров и врачей, что сделало ключевым институтом социализации и воспитания школу, а не семью. Сторонники либеральной модели детства добивались снижения детской смертности и ограничения детского труда, который был весьма распространен до первой трети XX в. включительно². Одновременно шло снижение рождаемости и количества детей в семьях. В XX в. требования дисциплины и безоговорочного послушания родителям постепенно исчезают, возраст вступления в брак растет, манеры (осанка, этикет и т.д.) становятся все менее жесткими и не привязанными к социальному классу. Эти и другие социальные нормы отражали конструктивистскую парадигму формирования гражданина, до сих пор господствующую и во многом определяющую наши «горизонты ожидания» от детства, взросления и системы образования во всем мире.

Однако данная конструктивистская модель в XX в. столкнулась с несколькими вызовами, которые, с одной стороны, способствовали развитию ее элементов, а с другой – требовали ее внутренних трансформаций. Во-первых, как справедливо отмечает П. Стернс, мировые войны XX в. и революции в России, Германии, Китае и многих других странах сделали государства ключевым игроком молодежной политики, а молодежные организации – независимыми от семьи и школы. Это вело к существенному снижению авторитета родителей и усилило неопределенность в отношениях между семьей, школой и приобретающими все большую морализаторскую (и политическую) силу детскими организациями.

Во-вторых, глобализация распространила «базовую модель» детства, победившую в XIX в. в Западной Европе и США, на весь мир. Хотя масштабные миграции, а также развитие телевидения и интернета (японские манги, корейские сериалы и китайские телефоны) показывают многосторонний характер взаимовлияний, глобализация вызвала массу противоречий, особенно в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где безработица среди молодежи достигает 30%.

В-третьих, консьюмеризм способствовал развитию «базовой модели», в том числе используя интерес подростков к сексуальности. Стернс подробно описывает распространение практики свиданий как совместных развлечений: ужина в кафе, похода в кино или на танцы, начиная с 1920-х гг. Эти практики делали фигуру покупателя более популярной и радикально отличались от преобладавших в рамках народной культуры традиционных ухаживаний и светского общения наследников аристократии, в равной степени не связанных с потреблением. Консьюмеризм, впрочем, оказался «фармаконом» – ядом и лекарством одновременно, поскольку вел и к существенным проблемам с дозированием развлечений, ответственность за которые теперь полностью пе-

рекладывалась на плечи родителей. В итоге эти напряжения сформировали «двойную связку» (Ионов 2014) – ситуацию балансирования на грани прямо противоречащих друг другу установок и норм. Хотя ценность и значение мира детства несомненно росли на протяжении XX в., параллельно усиливалась и встревоженность родителей – их неуверенность в своих силах, готовность отложить или вообще отказаться от рождения детей. Раньше всего (уже в 1920-е гг.) эти тренды возникли в США и (с некоторыми оговорками) в СССР. В Европе и в Японии они стали распространяться после Второй мировой войны; с 1980-х гг. – в Китае и странах Юго-Восточной Азии.

В целом, однако, эти изменения, по мнению П. Стернса, не разрушили «базовую модель», которая по-прежнему работает: детская смертность в мировом масштабе снижается, грамотность растет, домашнее насилие все чаще осуждается, детский труд (за редким исключением) законодательно ограничивается и т.д. Хотя войны и локальные конфликты XX в. сильно повлияли на мир детства³, однако еще более масштабной оборотной стороной трансформации «базовой модели» стал рост стресса, депрессии и беспокойства как самих детей, так и их родителей. Вместе с недовольством западным вариантом глобализации это провоцирует растущее состояние неопределенности.

В книге «Тревожные родители: история детства в Америке эпохи модерна» П. Стернс рассматривает эти проблемы более подробно. Используя в качестве источников детскую литературу, журналы для родителей (*Parents Magazine* и др.) и педагогические руководства 1920–1990-х гг., исследователь доказывает, что трансформация «базовой модели» детства вела к непропорциональному росту тревожности родителей и развитию культуры «чайлдфри», сторонники которой вообще отказываются от деторождения и связанных с воспитанием проблем. По социологическим опросам Л. Термена в 1930-е гг., а затем Д. Вероффа в 1957 и 1976 гг., семейные пары с детьми и матери-одиночки испытывали все больше сложностей с воспитанием своих отпрысков и были менее счастливы в браке, чем бездетные и разведенные отцы (Stearns 2003a: 223). Как объяснить это недовольство, учитывая огромный рост уровня жизни и медицинского обслуживания, а также расцвет культуры семейных развлечений? Стернс выделяет три уровня причин произошедших изменений:

Социально-демографические факторы подробно рассматриваются в исследованиях по истории детства, начиная с 1960-х гг. Сокращение числа детей в семьях среднего класса провоцирует гиперопеку в отношении 1–2 оставшихся наследников – чаще всего поздних, избалованных детей, требующих к себе все большего внимания в благополучной семье. Рост числа разводов (до 50% в США и 35% в Великобритании) формирует комплекс вины и гипертрофированное чувство ответствен-

ности за детей как внутри семьи, так и по отношению к ушедшему партнеру (Stearns 2006b: 103). Необходимость женщин работать с 1940–1950-х гг. и рост их карьерных стратегий в конце XX в. способствовали сокращению времени на общение с детьми и постоянному беспокойству о контроле за ними во время отсутствия родителей. Рост мобильности и изменения структуры проживания привели к тому, что дедушки и бабушки все реже могут помогать родителям в воспитании внуков.

Как доказывает П. Стернс, помимо этих социальных факторов огромную роль играют *структурные изменения дискурса* детского воспитания в США. Если до середины XX в. он основывался на идее исключительной свободы и перформативности, то к концу века эти отличия США от Европы и других стран перестали казаться существенными и определяющими специфику американской нации. Однако рост терапевтического дискурса детской уязвимости, подверженности травмам, осознание необходимости защитить ребенка от гендерных, расовых и прочих несправедливостей предполагали дополнительную ответственность родителей. Здесь важно отметить изменения «идеального читателя» педагогической литературы. Так, в XIX в. руководства по уходу за детьми не превышали 150 страниц и содержали несколько рассчитанных на широкую аудиторию глав о важности послушания, четких гендерных нормах и правилах заботы о здоровье. Начиная уже с 1930-х гг. размер этих руководств стал превышать 300 страниц, а главы скорее обозначали трудности детского воспитания и признавали ограниченность разных педагогических подходов без итогового предложения родителям четких рекомендаций или алгоритмов действий. По сравнению с прежней морализацией, такое использование вероятностной логики и перекладывание ответственности за неизбежные риски провоцировали со стороны родителей рост неуверенности и негативных эмоций.

С точки зрения Стернса, первая треть XX в. представляла собой не только «эпоху нервозности» в общественном мнении (которую сопровождали политические кризисы и радикальные трансформации научной картины мира), но и фазу серьезных изменений модели воспитания. На смену позитивистской морализации XIX в. пришло неклассическое знание, одним из побочных эффектов которого (особенно в эпоху холодной войны) стала повышенная тревожность. Педагогический дискурс из наставника родителей превратился в фукианского пастора, ставящего под сомнение ценность любых систем воспитания. В викторианскую эпоху страх репрессировался во всех сферах жизни общества, начиная с детских фобий и заканчивая военными неврозами. К концу XX в. родители стали испытывать двойную или даже тройную нагрузку. К неуверенности в собственной успешности и беспокойству о достойном воспитании детей все чаще стали добавляться избыточные

нравственные терзания и воображаемые конфликты. Стернс рассматривает распространенные страхи по поводу осанки, зрения, здорового питания и переедания, киднепинга, сексуального и домашнего насилия, несчастных случаев на дорогах, игромании и т.д.⁴ Почти все они не конструируются сознательно, но отвечают на некую функциональную проблему и распространяются миметически. Их ключевой социальной функцией становится поддержание высокого статуса «хороших родителей» из среднего класса по сравнению с не заботящимися о культурном багаже своих детей представителями низшего класса и избалованными «мажорами» и «золотой молодежью» — наследниками высшего класса.

Наконец, третий уровень причин, определяющий повышенную тревожность современных родителей, связан с изменениями *повседневных практик и неотрефлексированных аффектов*, минимально представленных в дискурсивном поле. Основу этих практик формирует консьюмеристская культура, использующая родительские страхи и заботу о детях как «двигатель торговли». Консьюмеризм предполагает, что растущие усилия в школе и самостоятельность *без* родителей должны компенсироваться удвоенной дозой развлечений *вместе* с родителями. Эта модель и сопутствующая ей «мораль развлечений» (англ. *fun morality*) сформировалась еще в 1950-е гг. Но к началу XXI в. она достигла новых количественных показателей и сформировала специфический эмоциональный режим. Высокий уровень жизни создал новый масштабный рынок: в 2001 г. только девочки-подростки (с 10 до 19 лет) в США тратили 75 млрд долларов сами и во многом влияли на покупки своих родителей. В 1997 г. американские дети получили от своих родителей подарков на Рождество в среднем на 365 долларов и на 900 долларов сопутствующих услуг и развлечений. При этом функции игрушек изменились: вместо востребованной ранее социализации (куклы готовили девочек к материнству, военные игры мальчиков позволяли им легко стать солдатами и т.д.) геймификация стала все больше подчиняться самостоятельной логике «чистой эстетизации», все менее связанной с социальными отношениями. Эти функции не сводятся просто к развлечению, но предполагают терапевтический эффект в условиях растущих рисков и неопределенности. Впрочем, такая стратегия не решает проблемы, но воспроизводит ее в (казалось бы) контролируемой форме путем дозирования развлечений.

Еще одной важной составляющей суперструктурного уровня представляется темпоральное измерение презентистской культуры: рост скоростей ведет к тому, что миры детей и родителей все сильнее отличаются между собой. Старые схемы планирования будущего работают все хуже, а молодежные организации и государственная политика в сфере образования не особенно могут помочь ни родителям, ни их де-

тям. Тем не менее поддаваться моральным паникам и алармистским настроениям, по мнению Стернса, не стоит: сложившаяся в эпоху модерна система воспитания и образования продолжает работать. И будущее детей среднего класса – с поправкой на возможную смену профессии, необходимость lifelong learning и неизбежность социокультурных конфликтов – можно считать все же гораздо более благополучным, чем у их прабабушек и прадедушек в начале XX столетия.

В работе «Время в мировой истории» П. Стернс рассматривает глобальную историю темпоральных представлений (Stearns 2019). Сложившийся в Европе XV–XVIII вв. городской средний класс (купцы, мастеровые, бюргеры) оказались заинтересованы в секуляризации времени и его механическом дроблении. Механические часы позволяли регулировать открытие и закрытие городских ворот, торговлю, работу, занятия в школах и т.д. Одновременно пунктуальность становится важным качеством делового человека: время превращается в деньги, по выражению Б. Франклина. В XIX–XX вв. американский средний класс сначала позаимствовал европейские тренды, а затем сам возглавил дальнейшие изменения. Массовое производство и распространение часов – все более дешевых и получающих разнообразные модификации (хронометры, секундомеры, переносные будильники) – изменило спорт (гонки и матчи по часам), работу (почасовая оплата труда до 1800 г. редко встречалась на мануфактурах) и повседневность (двухдневный уикенд, унификация времени сна и т.д.).

Однако уже с 1830-х гг. эта синхронизация вызывала массовое недовольство рабочих, которое проявлялось как в использовании неформальных методов для ограничения контроля (поломка машин, уклонение от работы, перерывы в работе и т.д.), так и в становлении осознанной антикапиталистической оппозиции. Трагические события XX в. привели к расколу между «внешним» временем и его «внутренним» переживанием. С этой точки зрения падение продаж наручных часов на 40% в конце XX в. и использование их лишь 25% американских подростков оказываются воплощением кризиса индустриального общества и прежних форм контроля времени (Stearns 2019: 146–147).

Новый виток глобализации XX – начала XXI в. продолжает тренд на дробление времени и его интериоризацию, но все более усиливает и контртренды, провоцирует признание неустойчивости и неопределенности темпоральной регламентации жизни среднего класса. Символическим проявлением этой неустойчивости стала проблема 2000 г. (Y2K), вызвавшая в компьютерной индустрии почти эсхатологические опасения: правительства разных стран мира потратили более 300 млрд долларов для обеспечения стабильности перехода компьютерного времени.

Глобализация ведет к росту вариативности темпоральных культур в современном мире. Однако перспективы смягчения существующих

форм синхронизации, по мнению Стернса, связаны не столько с локальными традициями, сколько с распространяющимися благодаря той же глобализации повседневными практиками: семейные трапезы становятся менее регулярны и не привязаны к строгому времени, посещение родителей и прогулки по городу по выходным переносятся на будние дни, график работы становится плавающим и даже адепты корпоративной культуры все чаще высказываются против жесткого тайм-менеджмента. Отдельное внимание автор уделяет позиции мировых религий в отношении современной глобализации и ускорения жизни, подчеркивая значимость голосов не столько жестких фундаменталистов, но умеренно консервативной критики неолиберального менеджмента. Одним из ключевых аспектов этой критики оказывается вопрос о будущем. Либеральная программа минимум предполагает смягчение темпоральной регламентации мира детства, признание мультитемпоральности календарей разных культур и неизбежность конфликтов вокруг существующей версии глобализации. Программа максимум, которая обозначается у Стернса не напрямую, но скорее косвенно, связана с вопросом о будущем самой глобализации и единстве всемирной истории. Если исторические закономерности универсальны, то они имеют прогностический потенциал, который перевешивает локальные культурные различия. В этом случае главной задачей исторической науки становится обсуждение этих закономерностей, анализ их трансформаций в современном обществе, а также критика отказа от них в пользу фундаментализма различий и стратегий «особого пути».

Примеры работы аналитической стратегии П. Стернса в нацеленных на широкую аудиторию монографиях можно было бы приводить и дальше – его работы о консьюмеризме, гендерных отношениях и сексуальности, истории страха и гнева (Stearns 2006a, 2006c, 2015) действительно интересны. Однако гораздо четче задачи социальной истории и ее отношения с будущим артикулируются исследователем скорее в более ранних статьях (среди первых примеров см.: (Stearns 1977)), написанных для академической аудитории.

Клио и Кассандра: конкурирующие сценарии будущего

Хотя большая часть статей П. Стернса связана с историографическими обзорами и достаточно ситуативной полемикой, их аналитическая структура часто повторяется. В качестве исходной проблемы Стернс ставит вопрос о причинах (социальных, культурных, чисто академических) историографического кризиса последней четверти XX в. Далее он рассматривает те или иные работы коллег или проблемы в широком междисциплинарном контексте. Например, сравнивает позиции нескольких исследователей по поводу технологического детерми-

низма и его пролонгации в будущее: «Исторически сензитивный анализ будущего может... ориентировать, не предсказывая жестко. <...> Такой подход можно проиллюстрировать в дискуссии о влиянии технологий на семью и досуг: предсказание здесь невозможно, но указание на то, что требует внимания – вполне» (Stearns 1983: 45). Предсказание и детализированный прогноз невозможны в социальной истории, поскольку любые тренды (включая рост влияния технологий на жизнь общества) порождают определенное недовольство и противодействие (например, усиление традиционализма, направленного против связанных с новыми технологиями изменений). По мнению Стернса, корректный анализ возможных сценариев будущего всегда предполагает три фазы: анализ процесса, выявление контртенденций, их соотнесение. Важно отметить, что речь в итоге идет не о каком-либо диалектическом синтезе, но о силовом поле сохраняющихся противоречий.

Подобный взгляд помогает преодолеть оппозицию линейной преемственности и радикального дисконтинуитета – ключевой для исторического знания, по мнению П. Стернса. Показательным в этом отношении представляется его критический анализ понятия постиндустриального общества и тезиса о радикальном отличии современности от эпохи модерна (Stearns 1984). По мнению исследователя, экономический рост конца 1940–1960-х гг. и его влияние на трансформацию повседневной жизни в Европе и США оказались сильно переоценены в свое время Д. Беллом и сторонниками его концепции. Эти тренды «выдохлись» в 1970–1980-е гг., а контртенденции (замедление темпов экономического развития, рост социального неравенства, приватизация прибыли элитами, недовольство либеральной версией глобализации и т.д.) существенно усилились. От былых ожиданий до недавнего времени оставался лишь оптимизм в отношении профессий, связанных с высокими технологиями и глобализованным сервисом (программированием, туризмом, авиаперелетами и т.д.). Демографическая ситуация, политическая сфера и экономический базис западного общества почти не изменились с 1970-х гг., поэтому говорить о «постиндустриальной революции» и проводить параллели с промышленным переворотом XVIII–XIX вв. вряд ли корректно. Сторонники Белла смешивали потенциально возможное и реальное. Социальная сфера по-прежнему остается силовым полем отношений, в рамках которого разные тренды и соответствующие группы интересов борются между собой.

Стернс также говорил о «ветвлении» (англ. *ramification*) трендов, и, соответственно, прогнозов – наличии конкурирующих сценариев будущего. Согласно его мнению, например, бурное развитие технологий вряд ли приведет в ближайшей перспективе к усилению роли университетов (активно развивавшихся в индустриальном обществе) как социальных институтов, поскольку они зависят и от демографической ситуации, и от

экономической политики государства. А в современных условиях речь идет скорее о сокращении молодежи и отсутствии роста зарплат молодых специалистов, лоббируемом прежде всего управленцами со стажем. Прогноз предполагает не просто обозначение возможных сценариев и стоящих за ними групп интересов, но и процесс вовлеченной и детализированной проработки одного из этих сценариев, к которому исследователь стремится привлечь внимание своей аудитории.

Именно в этом контексте для Стернса принципиально важен вопрос: насколько текущие исследования движутся к преодолению историографического кризиса, связанного с падением интереса к исторической науке, или ведут к непродуктивным разногласиям, от которых вреда больше, чем пользы. С его точки зрения, историк должен постоянно возвращаться к вопросу об актуальности процессов, которые он анализирует, чтобы приложить свои ограниченные силы с максимальной отдачей. Крайними и не особенно продуктивными позициями при этом выступают, с одной стороны, жесткое поддержание корпоративных традиций (превращающее науку в «башню из слоновой кости»), а с другой – популистское развлечение широкой публики. Задача социальной истории – избегать этих крайностей и работать для общественной пользы. Последняя понимается не как конструирование гомогенного национального единства, но как баланс неизбежно гетерогенных интересов различных социальных групп. Именно проблематизация этих интересов побуждает социальную историю к сравнению разных аспектов прошлого и настоящего: «В конечном итоге, ключ к будущему лежит в способности социальной истории создавать новые трактовки прошлого и того, как это прошлое сформировало настоящее» (Stearns 2003b: 18).

Наконец, важно подчеркнуть, что речь идет не просто о теоретической установке (не очень оригинальной, но от этого не менее продуктивной), но о *практике*, связанной с историческим образованием. Напомним, что П. Стернс был инициатором открытия в 1975 г. одной из первых в мире программы по прикладной (публичной) истории в университете Карнеги–Меллона, активно занимался редактированием «Журнала социальной истории», издавал энциклопедии, «компаньоны» и антологии по новейшим направлениям историографии. Подобную практику, нацеленную на поддержание баланса между профессиональной специализацией историка и интересами широкой аудитории, Стернс также характеризовал как направленную в будущее (Stearns, Tagg 1987). Именно в этом контексте его изначально привлекла история эмоций – она предполагала и тщательный анализ источников, но также была интересна широкой публике и способна продемонстрировать значимость социальных различий (Stearns 1989).

По-видимому, подход Стернса можно назвать леволиберальным, поскольку, говоря о социальных группах, он прежде всего ориентируется

на городской средний класс, которому всеобщая история нужна для сдерживания натиска элит и дальнейшей модернизации низших слоев общества. В этом смысле его работы принципиально отличаются от книг Г. Зинна, Э.П. Томпсона или М. Фуко, которым интереснее судьба угнетенных классов, а поддержание баланса интересов кажется сомнительной легитимацией сложившегося статус-кво.

Более сложным представляется соотношение идей П. Стернса с многогранным творчеством упомянутого в начале статьи Райнхарта Козеллека, благодаря которому во многом и была проблематизирована смена темпоральной «разметки» в европейской культуре модерна и постмодерна. При очевидном различии между используемой у Стернса метафорой «ветвления» сценариев будущего и не столь затейливым образом «горизонта [ожиданий]», к которому прибегал Козеллек, ряд суждений последнего позволяет говорить об отчасти сходном кадре рефлексии двух ученых по поводу прогностического потенциала общественных и гуманитарных наук. Акцентируя данный тезис, мы сочли возможным обратить внимание читателя на эссе «Неведомое будущее и искусство прогноза», опубликованное в составе сборника «Слои времени» (Koselleck 2000; см. также английский перевод данного эссе: Koselleck 2002) и довольно емко характеризующее специфику осмысления темы Козеллеком.

Будучи убежденным, что в основе искусства прогноза лежит комбинирование данных из различных сфер *опыта*, Козеллек связывал саму возможность эффективного прогнозирования с наличием в истории самовоспроизводимых структур и повторяющихся процессов, всесилье которых, впрочем, не должно абсолютизироваться. Это положение он пояснял, обращаясь к примерам успешных (или не очень) предсказаний относительно исхода революции во Франции (М.П. Д'Аржансон, Д. Дидро, К.М. Виланд) и прогнозов, звучавших из уст европейских политиков (Э. Бенеш, А. Гитлер, У. Черчилль) накануне Второй мировой войны. И в том и в другом случае, по мнению Козеллека, более выигрышно смотрятся формулировки, которые были выстроены с учетом альтернативных вариантов развития событий и наделялись своеобразной «многослойностью» или «многоуровневостью» – в плане соотносительности артикулированного опыта прошлого и условий, влияющих на возможность (именно возможность!) его повторения в грядущем. Так, корректность взвешенного и «прозорливого» выступления У. Черчилля перед Палатой Общин 27 ноября 1932 г. связана для Козеллека не с линейной проекцией тяжелого исторического опыта, обретенного благодаря Первой мировой войне, на плоскость «неизбежного будущего», но с готовностью мыслить – и действовать – в русле более объемного/многомерного видения потенциальной воспроизводимости факторов глобального конфликта. Размышления подобного рода, как нам показалось, довольно близки идеям Стернса о разработке конкурирующих сценариев будущего.

Однако, когда речь заходит об эффект[ив]ности актуальных прогнозов, для Козеллека принципиально не только обозначить различия в точности предсказаний относительно кратко-, средне- и долгосрочных процессов или трендов, но и подчеркнуть фундаментальные изменения в соотносении и взаимодействии разных «временных уровней/слоев» на этапе новейшей истории. Даже структуры, ранее определявшиеся в качестве долговременных, претерпели в последние десятилетия существенную трансформацию и стали мыслиться более подвижными. В данной связи, с точки зрения историка, прогностическая достоверность обретет былую силу, лишь если в картину будущего будет встраиваться больше элементов «отсроченной реальности», измеримость которых была бы возможна по мере стабилизации экономических и институциональных фреймов активности социума. Надежды на такое замедление, впрочем, кажутся Козеллеку утопичными.

* * *

Возвращаясь к стратегиям обсуждения будущего в исторической теории в гуманитарных исследованиях, подчеркнем важные отличия подхода П. Стернса. Прежде всего, он предполагает расширение объекта и методологии исследования, которое должно быть одновременно корректным в академическом плане и интересным широкой публике. Гендер, эмоции, история детства, консьюмеризм, сексуальность – эти и другие сюжеты предполагают диалог истории и современной социальной теории, а также стимулируют практики саморефлексии аудитории. С этой точки зрения, социальная и публичная история переносят акцент с прошлого государственных институтов на стили потребления, воспитания детей, деконструкцию гендерных стереотипов и эмоциональных режимов (включая современный алармизм в ситуации растущей неопределенности). Все эти проблемы в отличие от дискуссий о режимах историчности, неолиберальном капитализме и «новых войнах» предполагают практическую вовлеченность со стороны массового читателя. Кроме того, Стернс выступает против упрощения прогнозов, всегда акцентирует наличие контртрендов и гетерогенность интересов разных социальных групп. Обозначаемые им сценарии представляют собой динамическую форму прогнозирования, подчеркивающую процессуальность и нелинейность социальных изменений. Важно отметить также, что социальная история в трактовке Стернса предполагает выстраивание временной и географической дистанции по отношению как к неолиберальной версии глобализации, так и к ее критике со стороны консерваторов-фундаменталистов: и те и другие суть конкурирующие группы элит, чье монопольное господство вряд ли пойдет на пользу городскому среднему классу или же низшим слоям любого общества.

Примечания

¹ Этой проблематике посвящены тематические выпуски журналов «Логос» (№ 4 за 2021 г.) и *History and Theory* (№ 2 за 2022 г.).

² В 1890 г. 12% детей в США были официально трудоустроены, а в 1910 – 18% (и это не считая сезонных работ и общепринятой практики помощи родителям на фермах) (Stearns 2006b: 96).

³ По данным П. Стернса (которые, впрочем, требуют проверки), с 1970-х гг. в ходе локальных конфликтов погибло около 150 млн детей, еще столько же были ранены, оказались в лагерях беженцев или пострадали иным образом (Stearns 2006b: 112).

⁴ В 1970-е гг. лишь 12% детей в США имели избыточный вес, к 1994 г. их число выросло до 25%, а к 2004 г. – до 30% (Stearns 2006b: 107).

Список источников

- Веселые человечки: культурные герои советского детства / под ред. И. Кукулина, М. Липовецкого, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Зверева Г.И., Репина Л.П. Социальная история и «новая историческая наука» в Великобритании // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 159–174.
- Ионов И.Н. Связанная история: между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 194–218.
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две социологические категории. Методические замечания / пер. с нем. А. Котова, О. Кильдюшова; под ред. А. Смолькина, И. Напреенко // Социология власти. 2016. № 2. С. 149–173.
- Липовецкий М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (поздний социализм в сериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127–147.
- Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Выиграть время, или темпоральные (за)стенки неолиберального капитализма // Социология власти. 2021. № 1 (33). С. 84–102.
- Олейников А.А. Время истории // Логос. 2021. № 4. С. 5–30.
- Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в британской и американской медиэвистике // Одиссей: Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 167–181.
- Репина Л.П. Социальная история в историографии XX столетия. Курс лекций. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма / пер. с нем. И. Женина. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.
- Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. N.Y.: Zone Books, 2017.
- Jansen H. Hidden in Historicism. Time Regimes since 1700. N.Y.; L.: Routledge, 2020.
- Kalinina E. Mediated Post-Soviet Nostalgia. Stockholm: Södertörns högskola, 2014.
- Koselleck R. Die unbekannte Zukunft und die Kunst der Prognose // Koselleck R. Zeitschichten: Studien zur Historik. Mit einem Beitrag von Hans-Georg Gadamer. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 203–223.
- Koselleck R. The Unknown Future and the Art of Prognosis / transl. by T. Pressner // Koselleck R. The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 131–147.
- Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies / ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.; L.: Routledge, 2020.
- Simon Z.B., Tamm M. Historical Futures // History and Theory. 2021. Vol. 60. No. 1. P. 3–22.
- Stearns P.N. Cleo contra Cassandra // The History Teacher. 1977. Vol. 11. No. 1. P. 7–28.
- Stearns P.N. Forecasting the Future: Historical Analogies and Technological Determinism // The Public Historian. 1983. Vol. 5. No. 3. P. 31–54.
- Stearns P.N. The Idea of Postindustrial Society: Some Problems // Journal of Social History. 1984. Vol. 17. No. 4. P. 685–693.
- Stearns P.N. Social History Update: Sociology of Emotion // Journal of Social History. 1989. Vol. 22. No. 3. P. 592–599.

- Stearns P.N. *Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America*. N.Y.; L.: New York University Press, 2003a.
- Stearns P.N. Social History Present and Future // *Journal of Social History*. 2003b. Vol. 37. No. 1. P. 9–19.
- Stearns P.N. *American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*. N.Y.; L.: Routledge, 2006a.
- Stearns P.N. *Childhood in World History*. N.Y.; L.: Routledge, 2006b.
- Stearns P.N. *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire*. N.Y.; L.: Routledge, 2006c.
- Stearns P.N. *Gender in World History*. N.Y.; L.: Routledge, 2015.
- Stearns P.N. *Time in World History*. N.Y.; L.: Routledge, 2019.
- Stearns P.N., Tarr J.A. Curriculum in Applied History: Toward the Future // *The Public Historian*. 1987. Vol. 9. No. 3. P. 111–125.

References

- Veselye chelovechki: kul'turnye geroi sovetskogo detstva [Merry little men: cultural heroes of Soviet childhood] / Ed. by I. Kukulina, M. Lipovetskogo, M. Maiofis. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
- Zvereva G.I., Repina L.P. (1988) Sotsial'naia istoriia i «novaia istoricheskaia nauka» v Velikobritanii [Social history and the “new historical science” in Great Britain], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4, pp. 159–174.
- Ionov I.N. (2014) Sviazannaia istoriia: mezhdru dvoimoi sviazkoi i otritsatel'noi obratnoi sviaz'iu [Connected history: between the double bond and negative feedback], *Dialog so vremenem*, Vol. 46, pp. 194–218.
- Kozelleck R. (2016) «Prostranstvo opyta» i «gorizont ozhidaniia» – dve sotsiologicheskie kategorii. Metodicheskie zamechaniia / Per. s nem. A. Kotova, O. Kil'diushova pod red. A. Smol'kina, I. Napreenko [«Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» – zwei historische Kategorien / translated from German by A. Kotov, O. Kildiushov, ed. by A. Smolkin and I. Napreenko], *Sociology of Rower*, no. 2, pp. 149–173.
- Lipovetsky M., Mikhailova T. (2021) Bol'she, chem nostalgii (pozdnii sotsializm v serialakh 2010-kh godov) [More than Nostalgia: Late Socialism in TV Series of the 2010s], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, pp. 127–147.
- Nikolai F.V., Kobyl'in I.I. (2021) Vyigrat' vremia, ili temporal'nye (za)stenki neoliberal'nogo kapitalizma [“Buying Time” or the Temporal Walls of Neoliberal Capitalism], *Sociology of Rower*, Vol. 33, no. 1, pp. 84–102.
- Oleinikov A.A. (2021) Vremia istorii [History's Time], *Logos*, no. 4, pp. 5–30.
- Repina L.P. (1990) Sotsial'naia istoriia i istoricheskaia antropologii: noveishie tendentsii v britanskoi i amerikanskoi medievistike [Social History and Historical Anthropology: Recent Trends in British and American Medieval Studies]. In: *Odissei: Chelovek v istorii* [Odysseus: The Man in History]. Moscow: Nauka, pp. 167–181.
- Repina L.P. (2001) *Sotsial'naia istoriia v istoriografii XX stoletii. Kurs lektsii* [Social history in the historiography of the 20th century. Lecture course]. Moscow: IVI RAN.
- Streeck W. (2019) *Kuplennoe vremia. Otsrochennyi krizis demokraticeskogo kapitalizma / Per. s nem. I. Zhenina* [Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus / Translated from German by I. Zhenina]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.
- Brown W. (2017) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. N.Y.: Zone Books.
- Jansen H. (2020) *Hidden in Historicism. Time Regimes since 1700*. N.Y.–L.: Routledge.
- Kalinina E. (2014) *Mediated Post-Soviet Nostalgia*. Stockholm: Sodertorns hogskola.
- Koselleck R. (2000) Die unbekannte Zukunft und die Kunst der Prognose. In: Koselleck R. *Zeitschichten: Studien zur Historik. Mit einem Beitrag von Hans-Georg Gadamer*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 203–223.

- Koselleck R. (2002) The Unknown Future and the Art of Prognosis / Transl. by T. Pressner. In: Koselleck R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, pp. 131–147.
- Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies* / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.–L.: Routledge, 2020
- Simon Z.B., Tamm M. (2021) Historical Futures, *History and Theory*, Vol. 60, no. 1, pp. 3–22.
- Stearns P.N. (1977) Cleo contra Cassandra, *The History Teacher*, Vol. 11, no. 1, pp. 7–28.
- Stearns P.N. (1983) Forecasting the Future: Historical Analogies and Technological Determinism, *The Public Historian*, Vol. 5, no. 3, pp. 31–54.
- Stearns P.N. (1984) The Idea of Postindustrial Society: Some Problems, *Journal of Social History*, Vol. 17, no. 4, pp. 685–693.
- Stearns P.N. (1989) Social History Update: Sociology of Emotion, *Journal of Social History*, Vol. 22, no. 3, pp. 592–599.
- Stearns P.N. (2003a) *Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America*. N.Y.–L.: New York University Press.
- Stearns P.N. (2003b) Social History Present and Future, *Journal of Social History*, Vol. 37, no. 1, pp. 9–19.
- Stearns P.N. (2006a) *American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*. N.Y.–L.: Routledge.
- Stearns P.N. (2006b) *Childhood in World History*. N.Y.–L.: Routledge.
- Stearns P.N. (2006c) *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire*. N.Y.–L.: Routledge.
- Stearns P.N. (2015) *Gender in World History*. N.Y.–L.: Routledge.
- Stearns P.N. (2019) *Time in World History*. N.Y.–L.: Routledge.
- Stearns P.N., Tarr J.A. (1987) Curriculum in Applied History: Toward the Future, *The Public Historian*, Vol. 9, no. 3, pp. 111–125.

Сведения об авторах:

НИКОЛАИ Фёдор Владимирович – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия). E-mail: fvnik@list.ru

МАСЛОВ Артем Николаевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: maslovartem@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Feodor V. Nikolai, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: fvnik@list.ru

Artem N. Maslov, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: maslovartem@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 16 декабря 2022 г.;
принята к публикации 24 января 2023 г.*

*The article was submitted 16.12.2022;
accepted for publication 24.01.2023.*